

1-12-92 ТРУД

В ПАЙЛИНЕ, У КРАСНЫХ КХМЕРОВ

Имя Яцека Палкевича — это синоним приключений, синоним жизни, которую не многие изберут по доброй воле. Где только не побывали его экспедиции: в Юго-Восточной Азии и на Амазонке, в Сахаре и на Борнео, в Сибири, Непале, Канаде, Монголии, Туркмении, Намибии. Неукротимое любопытство, способность быстро адаптироваться, уважение к разным народам и их культуре, мужество и оптимизм — вот ключ к пониманию жизни «короля приключений» Яцека Палкевича, автора многочисленных книг о путешествиях, о науке выживания в экстремальных условиях: «За пределами границ», «Последние могикане океана», «Школа выживания на море», «Учебник по выживанию в городских условиях», «Сибирская легенда» и других.

Экзотическим и трудным будет новое уникальное предприятие итальянского скитальца. На сей раз руководимая Яцеком Палкевичем экспедиция отправится на слонах в путешествие по Южному Вьетнаму. Эта итало-российско-вьетнамская экспедиция тронулась в путь 25 ноября из одной захолустной деревушки в провинции Плейку.

А сегодня «Труд» предлагает вниманию читателей очерк Яцека Палкевича о его опасном путешествии в Камбоджу — в зону, контролируемую неизвестными красными кхмерами (на русском языке очерк публикуется впервые).

ЭТО САМОЕ рискованное приключение в моей жизни. Я много раз бросал вызов судьбе, но теперь просто не знаю, достанет ли мне мужества и хладнокровия, чтобы выбраться из ситуации, в которую я попал, проникнув в район, где иностранцам, тем более репортерам, появляться строгаише запрещено...

Я — в Пайлине, штаб-квартире красных кхмеров, взбунтовавшихся приверженцев жестокой секты, безумного осколка коммунизма. В 1975—1979 годах они превратили собственную страну в разновидность сталинского концентрационного лагеря, где совершались невиданные зверства. Развязанный ими геноцид стоил жизни почти полуплутора миллионам камбоджийцев — в эти годы в лагерях погиб каждый четвертый житель этой страны.

Десять процентов территории Камбоджи — а именно полоса вдоль границы с Таиландом — находится под контролем красных кхмеров. В богатом полезными ископаемыми Пайлине добываются знаменитые рубины и другие минералы. В соответствии с мирными соглашениями, подписанными в Париже прошлой осенью, здесь находятся военные наблюдатели ООН, но хозяева обращаются с ними совершенно бесцеремонно. Чтобы переместиться на несколько сот метров от того места, где они располагаются, наблюдатели вынуждены испрашивать разрешение.

...Дождь недавно перестал. Душно так, что тяжело дышать. Здешние жители наблюдают за мной с откровенным любопытством. За их робкими улыбками — холодная отчужденность. Общаться с ними трудно, здесь говорят только на местном языке. Стоя под навесом, где продается все, включал контрабанду из Таиланда, пытаюсь угостить пивом человека с велосипедом, который остановился поглядеть на мои фотоаппараты.

Его зовут Лок Пек, у него темная кожа, слегка приплюснутый нос, черные гладкие волосы. Ему лет сорок, а может быть, и тридцать — трудно сказать с точностью. Лок желает ответить чем-то на мою любезность и пригласает к себе. Его домишко стоит на краю селения, на скалистом берегу реки, где-то далеко впадающей в озеро Тонлесан, самое пыльное озеро мира. Домишко Лока — очень бедный, как и все жилища этого поселка. Через несколько минут жена и свекровь моего нового друга подают дымящийся рис, сухую рыбу и очень питательный соус. Соглашаюсь выпить немного скверного пальмового вина.

Объясняю жестами. Прошу проводить меня к рубиновой шахте. «Нельзя, — дает мне понять испуганный хозяин, — туда ходить строго запрещено». Позже я увижу бульдозеры и экскаваторы, которые работают на этой земле, скрывающей несметные богатства, но увижу с большого расстояния. Нет никаких данных о том, сколько человек здесь работает, каковы масштабы добычи, какие сделки совершаются на этих холмах. Говорят, что в тайландском городе Чантхабури, который называют столицей рубинов, три четверти из продающихся на рынке камней добыты в шахтах Пайлина.

Попрощавшись с семейством Лок Пека, я продолжил знакомство с селением. В хижине под крышей из пальмовых листьев — группа солдат. Кто-то играет в карты, кто-то чистит оружие. Здесь целый арсенал: ракетницы китайского производства, русские «калашниковы», китайские АК-47, mortары от 60 до 120 мм, базуки, гранатометы, ящики снарядов. Начинаю фотографировать. Но тут один из игравших в карты вдруг встает и идет ко мне. Чувствую, как по спине сбегают капли пота, но продолжаю работать...

ИМЕННО здесь, в каком-то пункте этого селения, принимаются решения о разрывании террористических действий на всей территории Камбоджи. Красных кхмеров считают отличными солдатами. «Потому что они неистовые», — сказал мне один военный из правительства вьетнамских войск. Они получают убийную дозу психологической обработки и беспрерывно дисциплинируются строгаишей дисциплине. У них нет соперников в ведении боевых действий в джунглях. Их более 24 тысяч, они

захватывают стратегические пункты, закладывают мины, проникают в деревни и безжалостно убивают всех, кто не выказывает желаний сотрудничать с ними.

Объединенные Нации, под эгидой которых должно произойти объединение этой страны, явно обеспокоены такой ситуацией. В конце июля Совет Безопасности прекратил оказание помощи красным кхмерам, мешающим достижению мира в Камбодже. От этого решения Кен Сам Пай, руководитель кхмеров, конечно, не заплакал. Шахты Пайлина — тот самый источник, который дает ему средства на содержание армии.

Недалеко от селения проходит взлетная полоса, отсюда можно попасть в Таиланд. До Банпакара, что по другую сторону границы, всего 30 километров. А оттуда два часа езды до расположенного на берегу моря Трата, где живет со своей семьей 67-летний Пол Пот, сумасшедший деспот, замысливший массовое уничтожение своего народа. Говорят, что и сегодня он держит под абсолютным контролем всю армию красных кхмеров.

Этот уголок Камбоджи — один из наименее населенных. Гористая сухая зона. Здесь мало рек и еще меньше дорог. Главный город — Баттамбанг. До него от столицы 90 км. Но кто выезжает из этого города, может доехать только до Трейнга, то есть проделав всего половину пути. Далее по этой дороге ехать нельзя. Чтобы воспреставствовать продвижению правительственных войск, кхмеры изфаршировали джунгли десятками тысяч мин. На заминированных пространствах подрываются и животные, и люди...

ИТАК, солдат, бросивший играть в карты, двинулся ко мне, наставляя на меня автомат. По явно неодобрительному выражению лица и тону голоса понимаю, что он требует документы. Дулом автомата показывает, чтобы я следовал за ним. Пытаюсь привлечь внимание «голубых касок», находящихся здесь же, но они невозмутимы, у них нет никакого желания вмешиваться. Меня несколько утешает тот факт, что арест происходит в присутствии свидетелей.

Казарма, в которую мы вошли, немного выше других строений, только этим она от них и отличается. Во всех надрывлениях снуют солдаты. Меня запирают в обшарпанную комнату, где стоит стол и несколько колченогих стульев. Вдруг начинаю думать о страшных орудиях пыток, которые видел в том невероятном музее в Пномпенге, — помню, не все посетители могли и глядеть на них. Вспоминаю, что среди жертв жестокости кхмеров были и иностранцы — австралийцы, французы, американцы.

Какие страдания и лишения ждут меня? Стараюсь побороть страхи, попытаться трезво оценить обстановку. Хочу вспом-

Приходит в голову история двух русских техников, которых кхмеры арестовали несколько лет назад на границе с Лаосом. Это была скверная история, и закончилась она трагедией. Один арестованный умер, другого отпустили только через два года.

Погруженный в мрачные мысли, я не замечаю, что в комнате находится офицер. Он молча наблюдает за мной. Я всегда говорил, что абсолютно невозможно угадать, что скрывается за внешней невозмутимостью взгляда представителя Востока. Мне трудно понять, кто сейчас передо мной — садист или человек, в жизни которого тоже были трудные мгновения. А это могло бы побудить его проявить ко мне хоть каплю сочувствия.

Начинается допрос. На безупречном французском он интересуется моими паспортными данными, спрашивает о профессии, о цели этой «подпольной» поездки. Насмешливым тоном замечает, что, дескать, у меня, судя по всему, хорошая печень, если я отправляюсь в эти места совсем один. «Не обращал внимания на определенную рискованность такого путешествия», — добавляет он, намекая тем самым, что я могу за это и жизнью поплатиться.

Мои ответы строго взвешены, я — человек дисциплинированный. Офицер продолжает инквизиторский допрос. Время от времени его прерывает полевые еще одного чина, который пристально смотрит на меня и смеется. Я не очень-то спокоен, но не подаю вида. Офицер затрагивает тему драгоценных камней. «Вы знакомы с кем-нибудь из тайландских коммерсантов? Вы хотите приобрести рубины? Вы знаете, что это запрещено и что мы за это строго наказываем?»

Он свет мне под нос паспорт, призывает на китайскую речь. Может быть, это и есть мой ключ спасения — еще не использованная виза. Благую, хвастаюсь прекрасными отношениями с Пекином, знал, что Гитой в течение ряда лет поддерживал этих бандитов...

НЕСКОЛЬКО часов спустя я поднимаюсь на борт русского вертолета, который обслуживает «голубые каски». Вертолет доставит меня в Пномпень. Удается сделать из окна всего несколько снимков рубиновой шахты — пилот набирает высоту, кажется, со скоростью ракеты. Когда мы достигаем 1300 метров, он, видя мое удивление, оправдывается: «По уверению кхмеры обстреляли нас из пулемета. Поэтому предпочитаю поскорее отсюда смыт-